

ЭСТЕТИКА БИДЕРМАЙЕРА В АЛЬМАНАХЕ «УТРЕННЯЯ ЗАРЯ» (1838–1843) В.А. ВЛАДИСЛАВЛЕВА

Рассматривается феномен популярности альманаха «Утренняя заря» (1838–1843) В.А. Владиславлева на общем фоне спада интереса к подобным изданиям. Выявляются способы привлечения интереса читательской аудитории, а также приемы формирования авторского состава. Основное внимание обращается на общую эстетику издания, отражающую эволюцию позднего русского романтизма 1830 – начала 1840-х гг. к бидермайеру. Подробно анализируются наиболее значимые литературные произведения, вошедшие в альманах.

Ключевые слова: альманах; бидермайер; «Утренняя заря».

Возникнув в конце XVIII в. («Аглая» и «Аониды» Н.М. Карамзина), русский альманах постепенно отпочковался в 1800–1810-е гг. от формы кружкового сборника и антологии. В середине 1820-х гг. этот жанр достиг расцвета и стал наиболее популярным и показательным типом ансамбля, но на гребне успеха продержался недолго и быстро автоматизировался, уступив к 1830-м гг. место коллективному сборнику. Столь краткий и интенсивный путь эволюции объяснялся переходным характером альманаха, «замещавшим» журнальные формы в условиях дефицита оригинальных произведений и трансформации коммуникативной системы литературы. Это, в свою очередь, требовало от издателя-редактора тонкого чувства контекста, и лучшие альманахи 1820-х гг. умели примирять стремление к репрезентативности с необходимостью выдержать некое единство художественных принципов.

Коллективный сборник 1830-х гг., пришедший на смену альманаху, этим уже не отличался, отдавая предпочтение широте панорамы в ущерб смысловой целостности. Монументальные издательские проекты Н.А. Полевого («Повести и литературные отрывки»), Н.И. Надеждина («Сорок одна повесть лучших иностранных писателей»), Н.В. Кукольника («Новогодник»), А.Ф. Смирдина («Новоселье», «Сто русских литераторов») превращались в «левиафаны», поскольку оперировали целостными текстами, причем достаточно большого объема [1].

Собственно же альманахи в конце 1830-х гг. все менее и менее привлекали внимание публики. Некогда значимое литературное явление постепенно превратилось в прерогативу низовой словесности. Анонимный рецензент «Московского Телеграфа» писал по этому поводу: «Сначала альманахи у нас были в моде. Потом они казались неуместными, под именем альманахов начали издавать Бог знает что. Порядочные литераторы начали оставлять издание альманахов, предоставив это тем людям, которые имеют больше их надобности в чужой деятельности. Так и мода переходит от бояр к слугам, от щеголей к цирюльникам и от щеголих к барским барыням и барышням. Альманахи у нас остались занятием низшего класса литераторов...» [2] (см. о низовом альманахе 1830-х гг. [3]).

Возможно, этот период мог бы стать концом альманаха как жанра, если бы не одно исключение в виде «карманной книжки» под названием «Альманах на 1838 год». Издателем его явился Владимир Андреевич Владиславлев, который в течение последующих пяти лет выпускал альманах уже под названием «Утренняя Заря». Насколько удачным был опыт Владиславлева, можно судить по рецензиям.

Так, Ф.Н. Менцов в 1840 г., оценивая «Утреннюю Зарю» и «Одесский Альманах», писал: «Было время (тому лет пять или шесть назад), когда литературные сборники, под названиями Альманахов, Альбомов, Цветов, звезд и проч., и проч., являлись у нас вдруг целыми десятками. Между ними было действительно несколько весьма хороших, но едва ли бы лучший из них мог стать наряду с двумя альманахами, изданными на нынешний 1840 год, которых названия представлены в начале этой статьи. <...> Оба альманаха, о которых мы теперь намерены говорить, изданы были в прошлом году, но нынешние, особливо «Утренняя Заря», далеко превосходят прошлогодние как разнообразием содержания, так и красотой внешних украшений и гравюрами» [4].

В следующем 1841 г. В.Г. Белинский написал не менее восторженную рецензию на четвертый выпуск «Утренней Зари»: «Вот уже четвертый альманах издает г. Владиславлев и делает этим четвертый подарок любителям легкого чтения и красивых изданий. На этот раз его альманах превзошел, как говорится, самого себя и изящностью своей наружности, роскошью приложений и замечательностью содержания. По стихотворной части его украсили произведения Пушкина, князя Вяземского, гр. Р-ой, Языкова, Кольцова, Подолинского и других. Драгоценным алмазом сияет между ними стихотворение Пушкина – одно из лучших между лучшими созданиями его лирической музыки. <...> По внешнему изяществу и роскоши, альманах г. Владиславлева – европейский, в полном значении этого слова; а по содержанию, вероятно, далеко превзойдет игрушки этого рода, издаваемые в Европе только для картинок» [5].

«Утренняя Заря» на короткий срок воскресила интерес к альманаху, снискав не только благожелательные отзывы критики, но и расположение публики: каждая книжка, ежегодно выходившая в канун Нового года, быстро расходилась большими тиражами как в Петербурге и Москве, так и в провинции. Часть успеха стоит отнести за счет возрождения традиционного элемента хорошего русского альманаха – качественного оформления. Владиславлев был человеком состоятельным и не жалел средств на то, чтобы превратить каждую книжку «Утренней Зари» в произведение типографского искусства. Стихотворения, рассказы, статьи перемежались первоклассными гравюрами, сделанными на стали в Лондоне английскими граверами. В результате приобретали «Утреннюю Зарю» не только ценители литературы и литературных новинок, но и любители живописи – ежегодно покупая альманах, можно было составить порядочную коллекцию велико-

лепных гравюр (см. обзор полиграфической составляющей «Утренней Зари» [6]).

Благонамеренный пафос альманаха создавала четко ощущаемая приверженность формуле, провозглашенной С.С. Уваровым, – «православие, самодержавие, народность». Образцом здесь может служить военно-героическая тема. Первый выпуск альманаха пришелся на год двадцатипятилетнего юбилея Бородинской битвы, и воспоминания о славном военном прошлом и не менее славном настоящем явились значимой частью издания, перейдя и в последующие книжки. Герой-офицер – один из регулярно повторяющихся персонажей «Утренней Зари», и в определенной мере символично привлечение Владиславлевым к участию в альманахе живой легенды, поэта-гусара Дениса Давыдова, чья «Современная песня» (1840 г.) показательно соединила официальный патриотизм с карикатурой на вольнодумцев-либералов (в лице П.Я. Чаадаева).

Прославлению имперской мощи посвящены в альманахе стихотворения «Россия» (1840 г.) В.И. Соколовского, «Памятник Петра Великого» (1840 г.) А.И. Подолинского, стихи Б.М. Федорова и многие другие произведения, не отличающиеся порой высокими художественными достоинствами, но чрезвычайно благонадежные.

Патриотическое воспитание органично сочеталось в «Утренней Заре» с проповедью религиозности. Владиславлев-редактор не отличался особой требовательностью, публикуя тривиально-нравоучительные истории, исключавшие неоднозначность ситуаций и какую-либо рефлексию. Рассказ Основьяненко (Г.Ф. Квитки) «Божия дети» (1840 г.) крайне прост. Офицер (постоянный персонаж альманаха!) берет под опеку двух детей – мальчика и девочку, у которых в деревне умерли родители. Воспитывая их, он добивается того, что мальчик впоследствии сам становится блестящим офицером с военными заслугами, а девочка – барыней из высшего общества. Моральные выводы к концу повествования напрашиваются сами собой и выражены автором короткой фразой: «Бог всегда посылает свою милость тем, кто милует детей» [7. С. 92].

Некоторое разнообразие вносили в религиозно-нравоучительный пафос «Утренней Зари» мистические нотки. Они, не отличаясь особой оригинальностью, отзывались на бытовой мистицизм эпохи [8], на увлечение экзотическими эмоциями, грозными пророчествами и фантастическими ситуациями. В этом духе выдержана была лирика Л.А. Якубовича, Э.И. Губера, В.И. Соколовского, И. Бернета (А.К. Жуковского), Н.В. Кукольника и других авторов.

Не были забыты Владиславлевым и народные мотивы. Патриархальный поселянин – неперемный персонаж альманаха. Как нельзя кстати здесь пришлось творчество А.В. Кольцова, популярность которого выпадает на годы издания «Утренней Зари». Для Владиславлева публикация кольцовских песен («Две песни Лихача-Кудрявича», «Кольцо», «Русская песня») с картинками деревенской жизни, описаниями природы, частного быта селян была знаком приверженности к народному направлению, не заинтересованному в постановке каких-либо проблем, но увлеченному самим колоритом народности.

В русле подобного экзотизма были выдержаны «Золотая гора» (1840 г.) И.П. Бороздны, запоздалый образец увлечения малороссийским фольклором, «Рассказ» (1839 г.) В. Луганского (В.И. Даля) и ряд других произведений.

Приверженность официальной идеологии обеспечивала смысловую целостность «Утренней Зари», однако в большинстве случаев опору ее составляли произведения литераторов не первого ряда. Подобными опусами нельзя было привлечь внимание массовой аудитории, ждавшей от альманаха разнообразия и новизны. Владиславлев смог удовлетворить эти запросы. Шесть выпусков альманаха, помимо второстепенных авторов, включили в себя также произведения едва ли не всех значимых литераторов конца 1830 – начала 1840-х гг. Здесь были и авторы первой величины – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский, и «среднее сословие» в лице Д.В. Давыдова, И.И. Козлова, В.И. Туманского, А.В. Кольцова, В.Г. Бенедиктова, А.И. Подолинского, Д.П. Ознобишина, В.И. Даля, Н.В. Кукольника, Е.П. Гребенки, Н.Ф. Павлова, В.А. Соллогуба, М.Н. Загоскина, И.И. Панаева, Г.Ф. Квитки, А.В. Никитенко, П.П. Ершова и многочисленный ряд менее известных имен – Э. Губер, И. Пожарский, В. Филимонов, А. Струговщиков, П. Алексеев, К. Айбдулат, П. Корсаков, И. Вуич, И. Бек, Н. Степанов, В. Соколовский, П. Каменский, Н. Мундт, Б. Федоров, Л. Якубович, С. Раич, И. Бернет, И. Бороздна и др. Подобное разнообразие позволяло сделать идеологию издания неназойливой, спрятанной в системе повторяющихся мотивов и ситуаций, которые создавали своеобразные внутренние рифмы и исподволь впитывались сознанием читателя, при том что основной материал альманаха мог быть индифферентным идеологическому заданию.

Эстетику «Утренней зари» можно определить как эстетику бидермайера. «Вся эта эпоха, – писал о бидермайере А.В. Михайлов, – стремилась к усредненности и робости <...> почти все смелое в ней, своеобразно преломляясь, одомашнивалось <...> официальная культурная политика также направлена была на укрощение страстей и на проповедь “покоя как первой гражданской добродетели”» [9]. Именно эта стихия обытовления, одомашнивания, низведения высокоромантического до камерного и частного пропитывает альманах, объясняя, в том числе ориентацию на определенных модных авторов. Так, нельзя не заметить, что «брендами» «Утренней Зари» стали В.Г. Бенедиктов и Н.В. Кукольник, время особой популярности которых пришлось как раз на годы издания или чуть предшествовало им. Автор «Руки Всевышнего», получившей высочайшее одобрение и ставшей одним из символов официальной идеологии, развивает в 1830-е гг. лихорадочную деятельность в разных жанрах – элегии, поэмы, драмы, повести – и воспринимается как звезда русской словесности, преемник Пушкина. В альманахе Владиславлева опыты Кукольника были представлены достаточно широко – повести «Антонио» (1840 г.) и «Психея» (1841 г.), поэма «Exordium» (1839 г.), стихотворения («Распутье» (1839 г.) и др.), и его ультраромантическая поэтика задавала тон всему изданию. На вторую

половину 1830-х гг. приходится пик увлечения лирикой Бенедиктова, ее гиперболической эмоциональностью, внешними эффектами, резким соединением высокого и бытового. В «Утренней Заре» его стихотворения также были представлены обильно («Напрасно» (1843 г.), «Мечтание» (1839 г.)) и подавались как новое слово истинного романтизма.

Эстетику бидермайера развивала на страницах издания лирика Э. Губера, В. Туманского, И. Пожарского, В. Филимонова и многих других поэтов, тяготевших к ведущим традиционным жанрам – элегии и баллады. Таковы «Жена Вильяма» (1843 г.) Д. Ознобишина, «Красавица» (1839 г.) Губера и «Дева» (1839 г.) Туманского, «Цветок» (1839 г.) Пожарского, «Мелодия» (1839 г.), «Сомнения» (1843 г.) и «Остров Св. Елены» (1843 г.) А. Подолинского, «Воспоминание» (1839 г.) К. Айбулата, «Дума» (1843 г.) И. Вуича, «Черные и голубые глаза» (1843 г.) И. Бека и пр. Подобный канон подчинял произведения с более сложной поэтикой, выходящей за границы романтизма и ищущей новых путей. Так происходило, в частности, со стихами Пушкина и Лермонтова, которые были опубликованы в «Утренней Заре» посмертно, в первую очередь, из коммерческих соображений, на волне нового увлечения рано умершими гениями. «Для берегов отчизны дальней» (1841 г.) и «Валерик» (1843 г.) (под более «романтичным» названием «Любовь мертвеца») в контексте альманаха воспринимались как вполне бидермайерное соединение высокого духовного начала с прозой жизни и завет о смирении страстей перед промыслом судьбы. Не избежали этой трансформации и «Обеды» (1840 г.) Баратынского, «Поэту Ленепсу» (1840 г.) Жуковского, «Дорожные думы» (1840 г.) Вяземского.

На легкий контакт с аудиторией нацеливала атмосфера домашне-салонного общения, пытавшаяся воскресить пафос «аристократических» (по определению В.Г. Белинского) альманахов 1820-х гг. Заметим, что литературная природа альманаха, в отличие от журнала, обуславливалась как раз неустранимой «домашностью» (Ю.М. Лотман), альманах превращал всю реальность в обжитую и комфортно-облагороженную сферу, центром которой выступал светский человек. Альманахи 1820-х гг. были специализированы светской разновидностью литературного справочника, полезного в общении просвещенных, благовоспитанных людей. Над этим жанровым канонам лучшие издания стремились возвыситься, превращаясь в политические органы («Полярная Звезда»), критико-философские обозрения («Мнемозина»). Но для эстетики бидермайера вытесненная жанровая модель уже оказалась вновь уместной и востребованной как антитеза новым демократическим журналам и, соответственно, инструмент официальной идеологии, крайне неодобрительно относившейся к новой журналистике.

Эту сторону «Утренней зари» иронически акцентировал в своей рецензии Н.В. Гоголь, никогда не участвовавший в альманахе: «Жаль подвергнуть это блестящее изделие черствому перу суровой критики. Она пред ним становится, как пред нежным мотыльком или цветком, боясь дуновеньем своим лишить его свежести. Содержанье его вполне соответствует своему зна-

чению. Это легкое будуарное чтение красавицы (курсив наш. – К.М.). Светский слог, гладкость языка, строгое приличие во многих повестях и грациозность некоторых стихов, словом это сияющая игрушка. <...> Пусть лучше разносится этот блестящий мотылек по всем концам России и светло поздравляет с Новым годом всех от Камчатки до берегов Тавриды» [10].

Стоит особо акцентировать одну черту бидермайера, глубоко отозвавшуюся в структуре альманаха, – специфический способ общения с читателем, который Пушкин называл «болтовней». По генезису его можно определить как стернианский, предполагающий прихотливую игру с читательскими ожиданиями, полную немотивированных отходов от темы и внезапных переключений регистра. Романтическая поэтика внесла в него элемент акцентированной субъективности, стремления вывести на первый план личность автора-рассказчика («Не мешайте же мне, – убеждал популярный А. Марлинский, – разводить собою рассказы о других: право, не останетесь внакладе» [11]), а бидермайер снизил повествования до уровня милой тривальности.

Образец подобного ведения рассказа предлагал в первую очередь издатель, опубликовавший в «Утренней Заре» ряд своих рассказов и повестей. Владиславлев придерживался основного принципа – развлечь читателя, сохраняя светские приличия. Такова, например, его новелла «Синьор Мавритацио» (1839 г.), рассказывающая о женитьбе старого офицера на одной молодой особе, которая в финале сбегает от него с молодым гусаром. Простота сюжета и одномерность характеров с лихвой компенсируется субъективностью повествователя, не упускающего ни одного повода для «болтовни». На нескольких страницах Владиславлев играет со слогом, пускается в ироничные рассуждения (монолог героя о его доброте к домашним животным), создавая легкую, непринужденную атмосферу «болтовни».

Оборотной стороной иронии мог быть пафос, мелодраматизация сюжета и преувеличенная эмоциональность рассказчика. В подобном ключе была выдержана «Смерть розы» (1841 г.) Владиславлева. Садовник выращивает куст розы удивительной красоты и влюбляется в него, будто в живого человека. В розе заключается весь смысл его существования, то, что помогает ему жить. Проходящая девушка срывает цветок и дарит его своему жениху. Садовник, обнаружив это, впадает в тоску и сильно заболевает. Как и в других рассказах, автор выбирает эффектный способ повествования и красочный стиль.

Непременным элементом бидермайера является и гипертрофия экзотического, очарованность самодовлеющей необычностью удаленных исторических эпох, чужих стран, фантастических ситуаций – без особой их смысловой мотивированности. Благодаря этому в «Утренней Заре» в обилии появились стихи, повести и очерки, местом действия которых становились разные страны и времена, эффектно подчеркивающие, по мысли авторов, характер или идею. Например, новелла «Антонио» (1840 г.) Кукольника принадлежала к его итальянскому циклу произведений о романтическом художнике, Каменский романтического героя переме-

щал в восставшую Грецию («Рассказ грека» (1839 г.)), Соколовского увлекала апокалиптическая яркость библейских сюжетов («Разрушение Вавилона» (1839 г.)) и т.п. Среди редких исключений здесь необходимо назвать две фантастические повести В.Ф. Одоевского – «Южный берег Финляндии» (1841 г.) (позднее ставший первой частью повести «Саламандра») и «4338-й год» (1840 г.), один из первых образцов русской фантастической утопии. В «Южном берегу Финляндии» Одоевскому удалось воссоздать не только экзотизм чужой культуры, но саму структуру мифологизированного сознания Якко. Впрочем, общего тона альманаха две повести изменить все же не могли.

Экзотика в «Утренней Заре» необходима была еще и потому, что она выгодно подсвечивала основной массив семейно-бытовой повести. 1830-е гг. – это время переориентации русской литературы с поэзии на прозу, и вне данной тенденции альманаху трудно было добиться успеха. Владиславлев, отдав дань в первых двух выпусках преимущественно поэзии на волне последних увлечений Бенедиктовым, Подолинским, Кольцовым, в 1840–1842 гг. вводит в «Утреннюю зарю» все больше прозы, которая в последней книжке заняла доминирующее место, в частности из-за объемной повести «Медведь» (1843 г.) Соллогуба. Семейно-бытовая проза удовлетворяла тягу массового читателя к домашности, удобопонятности коллизий и смягченности проблем. Формирующаяся «натуральная школа» осталась вне альманаха – ее подход был слишком резким и аналитическим, но рассказам о повседневной жизни Владиславлев уделил особое внимание. В основе их, как правило, была лю-

бовная история – непременно с трагическим финалом, а главным героем чаще всего являлась молодая девушка, которая в душевной чистоте не могла смириться с несправедливостью этого мира и оказывалась сломленной. Смерть была одной из главных составляющих подобных опусов. Физическая смерть настигала либо главных героев, либо кого-то из их близких, любимых людей. Реже происходила смерть духовная.

Характерными являются рассказы Е.П. Гребенки «Так иногда люди женятся» (1839 г.) и И.И. Панаева «Два мгновения из жизни женщины» (1839 г.), а также повести Н. Мундта «Домик» (1839 г.) и В.А. Соллогуба «Медведь» (1843 г.).

Жизненные драмы, любовные трагедии, сломленные судьбы – все это в избытке присутствовало в «Утренней Заре». Владиславлев смог уловить интересы и настроения публики, дав ей изрядную порцию романтических переживаний, облеченных в благопристойные формы бидермайера.

Так до конца и не выяснены причины прекращения альманаха «Утренняя Заря» на самом пике его популярности. Из документальных источников осталось лишь обращение Владиславлева к одному из своих корреспондентов, датированное 1842 г.: «По обязанности службы, я перестаю быть издателем, и Альманах мой, Утреннюю Зарю, передаю меньшому моему брату. Я уверен, что издание, оставаясь под влиянием моей опытности, ничего не потеряет от этой перемены, а между тем по пристрастию и по привычке не могу не принимать участия в его успехе» [12]. Но деятельность альманаха так и не была возобновлена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина). М., 1929. С. 188–208.
2. Московский телеграф. 1830. № 7. С. 359.
3. Рейтблат А.И. Московские «альманашники» // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. С. 94–97.
4. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1840. Ч. XXV. Отд. VI. С. 111–112.
5. Отечественные записки. 1841. № 1. Т. XIV, отд. VI. С. 5.
6. Кашин Н.П. Альманахи двадцатых–сороковых годов // Книга в России. Ч. II: Русская книга девятнадцатого века. М., 1925. С. 127–131.
7. Утренняя заря на 1840 год. СПб., 1840.
8. Шведова С.О. Русская проза 1830-х гг. и культурно-бытовой мистицизм эпохи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
9. Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 338.
10. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М., 1952. Т. 8. С. 211.
11. Бестужев (Марлинский) А.А. Ночь на корабле. М., 1988. С. 319.
12. Боратынский Е.А. Материалы к его биографии. Пг., 1916. С. 105.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 июля 2010 г.